

УДК 821.512.142

**СКАЗОЧНЫЕ ТРАДИЦИИ В РАССКАЗЕ Е. АЙПИНА
«КОНЕЦ РОДА ЛАГЕРМОВ»**

© *Исакова Снежана Анатольевна*

аспирант кафедры русской литературы XX века и теории литературы
Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова.
Россия, 677000, г. Якутск, ул. Кулаковского, 46
E-mail: snezhana_issakova@inbox.ru

В статье дан анализ рассказа хантыйского писателя Еремея Айпина «Конец рода Лагермов», который обнаруживает в структуре рассказа фабулу волшебной сказки. Используется структурно-функциональный подход, образец которого представлен В. Я. Проппом в изучении волшебной сказки. Выявлены основные функции сказочного сюжета, их традиционная последовательность, соотносимость отдельных образов с фольклорными типами персонажей.

Ключевые слова: сказка, фольклорные традиции, фабула сказки, структурный анализ, хантыйская литература, рассказ, Е. Айпин.

**FAIRY TALE TRADITIONS IN E. AIPIN'S SHORT STORY
"THE END OF LAGERM CLAN"**

Snezhana A. Isakova

postgraduate student of the Department of Russian literature of the
20th century and literary theory, Northeast Federal University named
after M. K. Ammosov.

46, Kulakovskogo St., Yakutsk, 677000 Russia

The article reviews the short story by the Khanty writer Eremey Aipin "The End of Lagerm Clan", which has a fairy tale fabula in its structure. The author is using structural and functional approach, developed by V. Y. Propp for analyzing tales. The main functions of fairy tale plot, their traditional sequence are revealed.

Keywords: fairy tale, folklore traditions, tale fabula, structural analysis, Khanty literature, short story, E. Aipin.

О фольклорной основе хантыйской литературы пишут многие исследователи. Так, Ю. Г. Хазанкович отмечает, что «литературы ханты не утратили связь с мифологией и фольклором. Такая "живучесть" устно-поэтического наследия обско-угорских народов (ханты, манси) определяется его живым бытованием в этнической среде. Как составляющая картины мира, мифология оказывает влияние на формирование менталитета, нравственных идеалов и ценностей народа, а с другой стороны – язык и система мифологических и фольклорных образов оказывают моделирующее воздействие на стиль художественных произведений» [1, с. 110].

Фольклорные формулы гармонично вплетаются в тексты современных писателей, что свидетельствует о синкретичности их сознания, со-

единого древние представления о мире с настоящими. Особую роль в литературах Севера играет сказочная традиция, проявившаяся в жанре литературной сказки. Так, С. Н. Нестерова подчеркнула: «...сказки северных писателей своеобразны жанровой системой, сюжетами и повествовательными формулами. Анализировать такие сказки нужно по принципу фольклорных сказок...» [2, с. 103]. Сказочные традиции в хантыйской литературе прослеживаются в произведениях таких писателей, как Г. Д. Лазарев, М. И. Шульгин, В. С. Волдин, М. К. Вагатова, Р. П. Ругин, Е. Д. Айпин. Некоторые из них делают литературные переложения сказок, другие, или, следуя жанровому канону фольклорной сказки, создают оригинальные произведения. Вплетение сказочных сюжетных линий, сказочных образов в повествовательную ткань произведения – свидетельство особого видения мира, закрепленного этнической культурой.

Рассказ хантыйского писателя Еремея Айпина «Конец рода Лагермов» (1988) представляет образец структурной близости волшебной сказке, ее основным функциям. В. Я. Пропп в книге «Морфология сказки» установил, что при сравнении сказок можно выделить постоянные и переменные величины. Меняются названия действующих лиц, их атрибутика, но неизменными остаются их действия, или функции. «Под функцией понимается поступок действующего лица, определенный с точки зрения его значимости для хода действия» [3, с. 20]. Имеет значение также последовательность последовательность: она всегда одинакова. Сущность функции определена тем значением, которое она имеет в ходе действия.

В произведениях Е. Айпина исследователи не раз указывали на литературную обработку сказок, в частности сказок сургутских ханты [4, с. 217]. В повести «В ожидании первого снега» имеется сказочный герой Манк-вики, а в роман «Божья мать в кровавых снегах» Айпин ввел сказку про птицу Карс и т. д.

Рассказ «Конец рода Лагермов», в соответствии с терминологией В. Я. Проппа, можно разделить на два отрезка, которые назовем *ходами*, и каждый из них соответствует структуре волшебной сказки: Маремьян Лагерм, оставшись один после гибели родителей, отправляется на поиски нового, пригодного для жилья, места; Маремьян Лагерм отправляется в тайгу на поиски убийцы своего сына.

Первый ход описывает события, произошедшие между первым знакомством читателя с семьей Маремьяна Лагерма и отправки его в тайгу на поиски Беспалого. Важный морфологический элемент, с которого начинается сказка, – *исходная ситуация*: рассказ «Конец рода Лагермов» открывается описанием жизни Маремьяна Лагерма. Описано первое появление Маремьяна: «попал в эти края давно, когда глаза видели лучше лебединых, слух был острее, чем у дикой чернобурки, а в мускулах чувствовалась твердость лезвия копья... Жил он отшельником. Слыл человеком нелюдимым, угрюмым, с темным прошлым. Ходили слухи, будто пришел он с побережья Оби в смутные двадцатые годы» [5, с. 36] (в дальнейшем ссылки на страницы этого издания будут даны в

круглых скобках). Непосредственно завязке предшествует картина подчеркнутого семейного благополучия: «...Место глухое, необжитое, зверье нагуленное, непуганное – привольно жилось. ...Жизнь шла своим чередом. Старая Анна с молодой невесткой Машенькой занимались хозяйством по дому, а мужчины – промыслом» (с. 36).

В варианте завязки, связанном с действиями антагониста героя, следует *запрет, нарушение запрета, выведывание антагонистом каких-либо сведений, выдача сведений, подвох и вредительство*, в результате чего и возникает ситуация недостатка. В рассказе эти функции нашли своеобразное воплощение в отношениях Маремьяна и Беспалого.

Функции *запрет и нарушение запрета* в чистом виде отсутствуют в тексте. Но в качестве запрета можно рассматривать образ жизни семьи Маремьяна, живущей далеко от поселка, в своем тихом и закрытом от людских проблем мире, а нарушением запрета является появление в их глухих, таежных местах новых поселков и городов: «Но обычный бег времени неожиданно прервался... За тремя песками от избушки Маремьяна вырос новый поселок лесорубов Чистоборск. А еще ниже по течению нефтеразведчики основали свой город. По некогда тихой реке засновали быстроходные громкие дюралевые шлюпки. В тихий летний дом Лагермов зачастили гости: то за рыбой и мясом, то за снастями рыбацкими. Но больше всего ценились меха» (с. 37).

Антагонист появляется в сказке дважды. В первый раз он приходит со стороны, либо включен в начальную ситуацию, во второй раз отыскивается героем с целью устранить причиненный им вред. Беспалый предстает перед нами, когда его приводит в дом Маремьяна главный лесничий Щепкин: «В тот вечер лесничий приехал с высоким белокурым парнем неопределенных лет. ...глаза ледяно-голубые, мертвые... “Беспалый, – определил Маремьян, здороваясь с ним. – Без мизинца”» (с. 37). Здесь мы видим, что вредитель приходит со стороны.

Далее следуют функции *выведывания* и *выдачи сведений*, которые выполняет Беспалый, пытаясь узнать о соболях: «Глаза его беспокойно что-то выискивали вокруг, ощупывали все предметы. “Что он вынюхивает, как лиса? – размышлял Маремьян. – Наверно, что-то ему очень нужно”». Антагонист пытается произвести *разведку*, функцию которой можно увидеть в диалоге сына Маремьяна Прокопия с Беспалым. На вопрос Беспалого, много ли в тайге соболя, Прокопий отвечает неохотно, но антагонист получает сведения и не требует подтверждения своим догадкам.

Далее следует *подвох*: антагонист пытается обмануть жертву, чтобы завладеть ее имуществом. В сказке вредитель действует с непосредственным применением (волшебных) средств. В тексте мы видим, как незваные гости, стремясь нейтрализовать хозяев дома, пытаются их спойть: «– Ну, мужички, пошли в избу – мы вам кое-что привезли! – крикнул лесничий. Приезжие поставили на стол литр водки, попросили свежей малосольной рыбки» (с. 38).

Далее вредитель действует путем уговоров. В сказке жертва вредителя поддается обману, тем самым невольно способствуя врагу. Проко-

пий, в отличие от отца, словам Беспалого не верит, более того, выставляет его за дверь. Так функция *пособничества* обращается в свою противоположность. После указанных действий антагонист наносит одному из членов семьи вред или ущерб (вредительство). По определению В. Я. Проппа, «эта функция чрезвычайно важна, так как ею собственно создается движение сказки. Отлучка, нарушение запрета, выдача, удача обмана подготавливают эту функцию, создают ее возможность или просто облегчают ее» [3, с. 27].

Формы вредительства в волшебной сказке чрезвычайно многообразны. В тексте мы наблюдаем две: антагонист угрожает и совершает убийство. После того, как Прокопий выгоняет Беспалого, тот угрожает ему: «Пожалеешь, что не мошенник!» – пообещал Беспалый и положил на стол руку с неприличной картинкой-татуировкой. Эта выставленная напоказ татуировка показалась Прокопию особенно оскорбительной и наглой. «...Пожалеешь! –многозначительно повторил Беспалый. – Мошенником легче прожить! Пожалеешь...» – еще раз повторил Беспалый и вышел вон» (с. 40). И выполняет свою угрозу – совершает убийство: «Вдруг глухой дуплет рванул вечернюю тишину. Все бросились на берег. Прокопий лежал наполовину в воде. Маремьян подскочил к Прокопию и выхватил его из воды. Лицо сына стало берестяно-белым... Речная вода всколыхнулась и алым пламенем лизнула берег» (с. 40).

В результате функций, связанных с действиями антагониста, возникает ситуация *недостачи*: одному из членов семьи чего-то недостает, ему хочется иметь что-либо. Недостача может быть вызвана действиями антагониста (гуси-лебеди похищают мальчика) либо введена изначально (у царевича нет жены). В рассказе Е. Айпина эта ситуация возникает вследствие действий антагониста. Маремьян лишается младшего сына, последнего из рода Лагермов. Беспалый убегает, прячется в глухой тайге. Маремьян остается один на один со своей бедой. Но в душе его теплится надежда, что невестка родит им внука и род его не прервется. Недостача, связанная с действиями Беспалого, отходит на второй план.

Мы видим, что первый *ход* рассказа содержит ряд функций, характерных для строения волшебной сказки, и последовательность их в ряде случаев изменена в соответствии с авторским замыслом.

Второй ход включает события, связанные с отправкой Лагерма в тайгу на поиски Беспалого. Вначале представлена ситуация недостачи: новость о рождении мертвого ребенка, внука Маремьяна. По определению В. Я. Проппа, эта функция вводит в сказку героя, т.е. героическую личность. В волшебной сказке это могут быть герои-искатели и пострадавшие герои. «Герои сказки могут быть двоякие: 1) Если похищается девушка и исчезает с горизонта ее отца (а с этим и с горизонта слушателя), и вслед за девушкой отправляется в поиски Иван, то героем сказки является Иван, а не похищенная девушка. Таких героев можно назвать искателями. 2) Если похищается или изгоняется девушка или мальчик и сказка идет с похищенным, изгнанным, не интересуясь тем, что случилось с оставшимися, то героем сказки является похищенная, изгнанная, девушка (мальчик). Искателей в этих сказках нет. Таких героев можно

назвать пострадавшими героями. Момент посредничества имеется в обоих случаях. Значение этого момента состоит в том, что им вызывается отправка героя из дома» [3, с. 31].

Маремьян Лагерм – герой-искатель. Наличие того или иного типа героя в структуре волшебной сказки можно увидеть по формам, определяющим его. В рассказе это следующие формы:

О беде сообщают герою, и он отправляется на поиски. О беде сообщает герою его жена Анна: «На следующий день Маремьян вернулся домой. Старуха Анна кое-как выдавила: – Машенька родила... – Кого?! – встрепенулся Маремьян. – Сына... мертвого... Они взглянули друг на друга и замолкли» (с. 43).

Герой отправляется из дома, и инициатива отправки часто исходит от самого героя, а не от отправителя. Родители дают благословение. Иногда герой не сообщает своих подлинных целей. Он просится погулять и пр., а на самом деле идет на борьбу. В тексте эта форма достигается решением Маремьяна отправиться на поиски Беспалого: «Старуха беспокойно наблюдала за ним. Она не знала, о чем он думает. Но по тому, как голова его клонилась все ниже и ниже, она догадывалась, что думы мужа тяжкие и мрачные. Наконец он сказал:

- Приготовь сухарей на четыре дня.

- Ох-хо-хо! Что задумал опять? Головушку потеряешь свою!

Но все же отыскала заплечный мешок. Ей еще ни разу не удавалось отговорить Маремьяна. Что упадет ему в ум – хоть шею свернет, но не оступиться» (с. 43).

В структуре волшебной сказки подобному эпизоду соответствует функция начинающегося противодействия и только затем следует отправка героя в путь: Маремьян отправляется в тайгу на поиски Беспалого.

Вслед за отправкой героя следует функция *пространственного перемещения героя*, когда тот доставляется к месту поисков. В рассказе данная функция достигается следующими формами:

1) Он едет по земле или воде: «Маремьян шел всю ночь. Было светло и мошканы меньше, чем днем<...> На закате Маремьян попил чаю и пустился в путь» (с. 44, 45).

2) Его ведут; ему указывают путь: «В полдень Маремьян услышал лай своей собаки <...> в нем не было ни озлобления, ни беззаботности, ни игривости, а будто только удивление: погляди, хозяин, что я нашла» (с. 44).

3) Он пользуется неподвижными средствами сообщения: «Сломана ветка, ободрана кора, осыпаны цветки и примяты мхи – все это о чем-то говорит, это язык тайги <...> Маремьян подошел к кострищу, что оно скажет <...> Помятая трава, поломанный кустарник и трухлявые колодины говорили о том, что преследуемый уже кое-как передвигает ногами и делает частые привалы <...>Пустая бумажная табакерка – курево кончилось» (с. 43, 44, 45).

Следуя этим формам, герой доставляется на место поисков: «Маремьян сделал шаг и замер – будто на стену наткнулся. В яме под корягой лежал Беспалый» (с. 46). Здесь, как и в волшебной сказке, следует по-

явление антагониста во второй раз, когда он отыскивается героем с целью устранить причиненный им вред.

За пространственным перемещением в волшебной сказке следует *борьба героя и антагониста*. Они вступают в сражение либо используют иные формы состязания. В рассказе Маремьян и Беспалый вступают в спор, но в рассказе отсутствует диалог героев, мы словно читаем их мысли: каждый из них старается убедиться в своей правоте и обвинить соперника во лжи. Идет молчаливая борьба мыслей, душевных переживаний.

Беспалый боится, что «таежник мог проникнуть в его мирок, заглянуть в душу» (с. 46). Он не может понять, почему Маремьян ломит под ним свою спину. Он всегда презирал людей непонятных, таинственных: «Если не хочет марать руки – оставил бы, все равно не выжить. Так поступил бы всякий здравомыслящий. Так поступал он, Беспалый. Зачем спасать убийцу сына? Предать законному суду? Лучше самому свершить. И даже не своими руками, а с помощью угрюмой тайги» (с. 48). Беспалый надеется, что когда кончатся припасы и патроны и Маремьян выбьется из сил, что-то произойдет: «Таежник должен покинуть его в этой глуши, чтобы спасти себя. Тогда все станет на свое место и он умрет со спасительной мыслью, что все люди – звери, что каждый старается урвать приличный кус» (с. 48). Но настает следующий день и Маремьян снова пристраивает его на свои плечи.

Маремьян не раз удивляется тому, что не бросил Беспалого: «Может быть, надо побыстрее убежать отсюда, пусть медвежья берлога станет ему могилой. Но медведь – этот дух тайги – никогда не простит, что Дом его стал кладбищем, а я видел и не вычистил. Но ведь Беспалый приносит людям только зло. Кому такой нужен? На земле и без него много зла. Никто не будет упрекать Маремьяна. Да и за что? За то, что похоронит убийцу. Но мертвого можно закопать и жить со спокойной совестью, а этого, живого... попавшего в беду... Большой грех – дать угаснуть жизни, когда можешь предотвратить смерть. Человек сильнее смерти, намного сильнее, чем думают» (с. 49).

Второй ход структурно наиболее соответствует волшебной сказке, так как здесь присутствуют все основные функции – победа героя над антагонистом. Маремьян выводит Беспалого к поселку и сдает его участковому.

Итак, в структуре рассказа «Конец рода Лагермов» мы наблюдаем два хода, центральными персонажами которых являются Маремьян Лагерм и Беспалый. Определим, как они соотносятся с персонажами волшебной сказки.

Повествование разворачивается вокруг судьбы Маремьяна. С ним связаны следующие функции: отправка на поиски, борьба с антагонистом и одержание победы. Этот круг действий полностью соответствует функциям *героя*. Для сказочного героя характерны также определенные *атрибуты*. Это особая форма появления героя – чудесное рождение, которое обычно сопровождается пророчеством о судьбе героя. В рассказе «Конец рода Лагермов» повествуется об обстоятельствах появления

Маремьяна: «...ходили слухи, что он пришел с побережья Оби в смутные двадцатые годы» (с. 36). Еще, будучи подростком, Маремьян становится невольным свидетелем гибели всей его семьи: «В ледящую стужу вооруженные военными ружьями всех его родных кончили. Под обрывом, в полынье...» (с. 49). Герой каким-то образом отмечен судьбой, раз выжил один из всех. Это можно считать своеобразным пророчеством о судьбе героя.

Оставшись один, юный Лагерм демонстрирует необыкновенные для молодого человека рассудительность, честность и мужество. Он не потерялся в вихре житейских проблем, а смог создать семью, построить дом, вырастить детей. Он сам ликвидировал исходную недостачу. Его перерождение позволяет увидеть в образе фольклорную модель героя.

Роль *антагониста* в рассказе играет Беспалый. Он соответствующим образом включается в действие: сначала представляет собой часть исходной ситуации, позже отыскивается Маремьяном. Беспалый выполняет следующие функции: выведывание, подвох, вредительство, бой с героем. Беспалый не может встать на место Маремьяна Лагерма и до конца понять его действия, мысленно пытается довести его до положения такого же преступника, как он сам, возможно, желая не только отомстить сопернику, но и смягчить свою участь.

Таким образом, круг действий, связанный с главными персонажами рассказа Е. Айпина «Конец рода Лагермов» полностью соответствует функциям героя и антагониста. Последовательность основных функций в ряде случаев изменена в соответствии с авторским замыслом, но их распределение обнаруживает структурную близость волшебной сказки и текста рассказа «Конец рода Лагермов», что свидетельствует о глубокой связи творчества хантыйского писателя Е. Айпина с фольклорными традициями.

Литература

1. Хазанкович Ю. Г. Фольклорная цитация в романе Еремея Айпина «Ханты, или Звезда Утренней Зари» // Литература народов Севера. – СПб.: Олимп, 2008. – Вып. 9.
2. Нестерова С. Н. Жанр сказки в творчестве М. К. Вагатовой // «Сородичи, я не таю прекрасное от ваших взоров»: материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Ханты-Мансийск: Информ.-изд. центр, 2009.
3. Пропп В. Я. Морфология сказки. Исторические корни волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 1998. – 512 с.
4. Косинцева Е. В. Сказочные традиции в хантыйской литературе // Известия Урал. гос. ун-та. – 2010. – №3(78). – С.213–219.
5. Айпин Е. Д. Конец рода Лагермов // Айпин Еремей. Клятвопреступник. Избранное: Роман и рассказы / послесл. и коммент. В. Огрызко. – М.: Наш современник, 1995. – С.36–49.